

— Ладно. Хватит.

Ким Уён заставил его прекратить петь на третьем куплете. Бомён закрыл рот.

— М-м-м-м...

Ким Уён издал нечто похожее на мучительный стон.

— Эта песня... — пробормотал Ким Уён себе под нос. Вместо того, чтобы удивиться, что этот ребенок знает его песню, его тон имел намек на разочарование: — Как ты можешь так плохо петь эту песню.

Бомён застыл на месте, ожидая резкой критики Ким Уёна. Внутренности Бомёна сжались, но внешность Кан Тоука имела свое уникальное безразличное выражение.

— Уроки начнутся завтра. Два раза в неделю по часу. Обычно это мой учебный план. Ты должен прийти как минимум три раза. Если ты не будешь выполнять задания, которые я даю, тебе понадобится десять лет, чтобы достичь уровня, когда ты не повредишь чью-то барабанную перепонку. Даже если ты будешь старательно их выполнять, то, может быть, за год?

Бомён быстро пришел в себя и кивнул Ким Уёну, который все говорил и говорил. Он думал, что тот скажет сдаться, если он будет так петь, но не тут-то было.

Бомён поочередно смотрел на окружающих его людей. Никто не смеялся над ним и не ухмылялся над его нелепым умением петь.

Пение Бомёна, даже если бы оно было приукрашено, нельзя было назвать хорошим. Тем не менее, в нем была искренность. В нем была настоящая страсть к тому, чтобы стать певцом. Все присутствующие, включая Ким Уёна, были достаточно увлечены музыкой, чтобы признать эту страсть.

Кроме того, все знали, что никто не был хорошим с самого начала. Вот почему это называлось «обучение».

— Ты собираешься быть таким грубым и просто кивать?

— Н... нет! Я с нетерпением жду возможности поработать с вами! — громко воскликнул Бомён. Ким Уён, сам того не замечая, заулыбался и встал со стула.

Казалось, Ким Уён уже одобрил Бомёна с того момента, как тот начал петь несмотря на то, что его внезапно заставили петь перед людьми. Слушая искреннее пение Бомёна, он вновь загорелся страстью к пению.

Вдобавок, у Бомёна не было врожденного чувства высоты тона и темпа, но тембр был хорошим. Это был баритональный голос, который мог понравиться любому, независимо от его предпочтений. У него также была скрытая отличительная особенность, которая могла бы сиять, как драгоценный камень, если бы ее отполировали.

Нелегко укрепить базовые навыки и развить чувство, но это также не было невозможно.

После этого Ким Сом также сообщила ему расписание уроков по композиции. Ким Сом спросила, не будет ли слишком сложно заниматься одновременно, но Бомён покачал головой.

Он должен был сделать это, даже если будет трудно, и он справится.

— Я даже не знаю, как тебя зовут. Тебя зовут... Кан Тоук?

Ким Сом посмотрела на бейджик с именем на его шее и спросила. Бомён кивнул головой.

— Да, Кан Тоук. Еще раз повторяю, я с нетерпением жду возможности работать с вами.

Он поклонился, затем попрощался с Ким Сом и Ким Уён. Теперь по-настоящему началась его жизнь в роли Кан Тоука.

— Эй, Тоук! Проснись!

Тоук, который лежал и спал, вяло открыл глаза. Это был Юн Джинсон, тот человек, который тряс Тоука за плечи и будил его.

— Сейчас время обеда, парень. Обычно ты все равно все время спишь, но не слишком ли ты прилежен в последнее время?

— А-а-а-а-ах...

Тоук потянулся и лениво зевнул. Обычно это должно выглядеть некрасиво, ведь он даже не пытался прикрыть рот и лениво зевал, но то, как он растягивал свои длинные руки, выглядело как сцена из сериала. Девушки не зря восхищались Кан Тоуком. Он был его близким другом, но в такие моменты он раздражал, поэтому Юн Джинсон прищелкнул языком погромче.

— Поторопись! Очередь в кафе станет длиннее.

— Окей... ух...

Тоук, который вставал со своего места, схватился за живот и скрючился.

— Ой, живот болит.

Это потому, что вчера у него был тяжелый урок вокала с Ким Уёном. Ким Уён сказал, что сначала нужно научиться правильно произносить звуки, и следил за каждой мелочью, начиная с дыхания и заканчивая позой, когда он стоит и сидит.

Ким Уён сказал, что петь нужно от живота, и каждый раз, когда Тоук пытался петь от шеи, он безжалостно давил на живот Тоука. После занятий его живот тянуло, и он болел, потому что Бомён задействовал мышцы живота, которые раньше не использовал. К счастью, Ким Сом сказала ему, что со временем это станет естественным и живот не будет болеть.

Он занимался не только в те дни, когда у него были уроки. Тоук выделял время каждый день и делал все возможное, чтобы улучшить свои вокальные навыки и развить композиторские способности. Поначалу его успехи были медленными, но постепенно они становились все быстрее.

Юн Джинсон спросил, когда они спускались по лестнице в коридор по направлению к лазарету:

— Чем ты занимаешься, что исчезаешь, как только заканчиваются занятия?

— Я?

— Да. Ты не хочешь приходить, когда мы приглашаем тебя выпить, и в игры тоже не играешь. У тебя появилась девушка?

— Нет никакой девушки.

— Я буду чувствовать себя преданным, если ты заведешь девушку и не скажешь мне, серьезно.

— Я же сказал тебе, что это не так.

Тоук смотрел на Джинсона и думал, правильно ли он поступил, сказав ему, что готовится к прослушиванию. Он выглядит беззаботным, но на самом деле он был хорошим другом Кан Тоука.

— В последнее время у тебя изменилось настроение. Такое ощущение, что ты стал серьезным.

Джинсон не преувеличивал, настроение Тоука действительно сильно изменилось. Прежний

Тоук казался немотивированным и небрежно делал минимум всего. Его внешность позволяла выглядеть круто, но не нужно было долго с ним разговаривать, чтобы понять, что Тоук — правонарушитель, которого волнует только веселье.

Однако в эти дни он по-прежнему спал во время уроков, как обычно, но кое-что изменилось.

Время от времени он говорил настолько серьезные вещи, что это шокировало. Искренняя и зрелая атмосфера делала Тоука еще круче. Девушки, которым Тоук уже нравился, сходили с ума.

«По-взрослому», — Джинсон размышлял над тем, что означают эти слова, глядя на Тоука.

— Юн Джинсон, вообще-то завтра у меня прослушивание...

В этот момент один из старшекурсников третьего курса, нахмурившись, направился к Тоуку из конца коридора.

— Эй, вы двое там.

<http://tl.rulate.ru/book/77704/2713550>